

Арабески из колхоза

Алексей Ратманский ставит балет, когда-то запрещенный Сталиным

независимая 2003 - 1 апр - с. 8.

Майя Крылова

Впервые балет «Светлый ручей» был показан в Ленинграде в 1935 году. Хореограф Федор Лопухов и сценарист Андриан Пиотровский задались целью воспеть «праздник колхозной жизни». Либретто основывалось на смычке города с деревней: в зажиточный кубанский колхоз «Светлый ручей» приезжала бригада артистов из столицы, между горожанами и сельчанами возникали интрижки, множилась

жет сделать с балетом про колхозное счастье: как бы правомерно он ни сочинял, получится кич...

– Ставя «Светлый ручей», я следую Шостаковичу и либретто. Для меня тут нет двух вопросов. Есть изумительная музыка с очень выразительными характеристиками персонажей, есть сюжет – любовный водевиль с переодеваниями. Такой жанр имеет давние корни в балете: вспомните «Тщетную предосторожность» и «Коппелию».

доволен своей музыкой, он увлекся задачей и сделал то, что хотел. «Светлый ручей» не стал для композитора прикладной работой на социальный заказ. Поэтому, получив такого уровня партитуру, Лопухов был счастлив заняться своим ремеслом. Но время было запутанное, и постановщик говорил то, что от него требовали.

– То есть ожидаемый от вашей постановки стеб по поводу сталинского пропагандистского искусства вас ни в каком виде не интересует?

– Стеб, пожалуй, есть, но в небольшой степени, очень культурно. Мне больше хочется добиться искреннего оптимизма, широты и энергии – того, что есть в музыке.

– Критик Соллертинский в рецензии на «Светлый ручей» назвал его либретто «летней провинциальной халтурой»...

– Наверное, он тоже смотрел на балет с точки зрения настоящего советского спектакля. На самом деле либретто очень театральное, оно сделано весьма профессионально.

– У вас сохранятся все наивные хохмы сценария? Там собака ездит на велосипеде и маршируют овощи...

– Ага. Это те моменты, которые меня наиболее привлекают.

– А как артисты воспринимают, что после балетных принцев и эфирных созданий им надо перевоплотиться в доярок и комбайнеров? Наверное, хихикают на репетициях?

– Да уж не рыдают. А те, у кого трудности с перевоплощением, – не участвуют.

– Героиня спектакля, колхозница Зина, когда-то училась балету. Когда в колхоз приезжает профессионалка, ее бывшая подруга по балетной школе, выясняется, что Зина танцует не хуже подруги и за годы, проведенные на селе, не потеряла ни формы, ни навыков. С точки зрения профессии классического танцовщика это нонсенс...

– Вы опять хотите соответствия жизненной правде. Ну хорошо. По либретто Зина организовала в колхозе кружок самодеятельности. Значит, там она и поддерживала форму. Я не знаю. Может, она по ночам ходила заниматься у балетного станка. В нашем балете доярки танцуют, как балерины. Или почти как балерины.

– Лопухов считал возможным использовать классический танец для балета о советской жизни. А у того же Соллертинского «совслужащий, лихо вращающийся вокруг собственной оси», вызывал издевательский хохот. Как вы решаете проблему адекватного хореографического языка в таком балете?

– История показала, что Лопухов был более прав, чем критик.

На самом деле все равно, совслужащий это или Ромео. И тот и другой – люди, а эмоции у всех людей одинаковые.

В новом балете доярки будут танцевать, как балерины

веселая неразбериха. Все заканчивалось общим танцем, славящим радость жизни в советской стране.

На гребне успеха балетную комедию затребовали в столицу и поставили в Большом театре. Как гласит легенда, однажды на «Светлый ручей» пришел Сталин. Спектакль ему не понравился. На следующий день в «Правде» появилась разгромная статья «Балетная фальшь», в которой досталось и композитору Шостаковичу (музыка «бренчит и ничего не выражает», а в балете о народе нет связи с народными песнями), и хореографу (незнание жизни плюс невнимание к народным пляскам). С тех пор Шостакович зарекся сочинять балеты, а Лопухов впал в многолетнюю немилость.

Спектакль, естественно, исчез с афиши. Но, как оказалось, не навсегда. В апреле на малой сцене Большого театра состоится премьера новой версии «Светлого ручья». Его ставит Алексей Ратманский – гражданин Украины, солист Датского Королевского балета и успешный хореограф. Спектакли, сделанные им для Нины Ананиашвили и Мариинского театра, получали награды «Золотой маски» как лучшие балеты, а в последние годы Ратманский признан хореографом международного масштаба: его приглашают ставить в Копенгагене, Стокгольме, Сан-Франциско и Нью-Йорке. О новом «Светлом ручье» хореограф рассказал обозревателю «НГ».

– Алексей, несколько лет назад вы мне говорили, что хотите поставить балет «Алиса в Стране чудес». Почему вдруг взяли за «Светлый ручей»?

– «Алиса» – моя многолетняя мечта, но я еще не нашел подходящую музыку. А гениальная партитура «Светлого ручья» давно меня привлекала. Постановку балета я обговаривал еще с Геннадием Рождественским, когда он возглавлял Большой театр. Рождественский первым в мире записал музыку Шостаковича на CD. Новое руководство Большого приняло проект без возражений. Ведь «Светлый ручей» – часть истории ГАБТа.

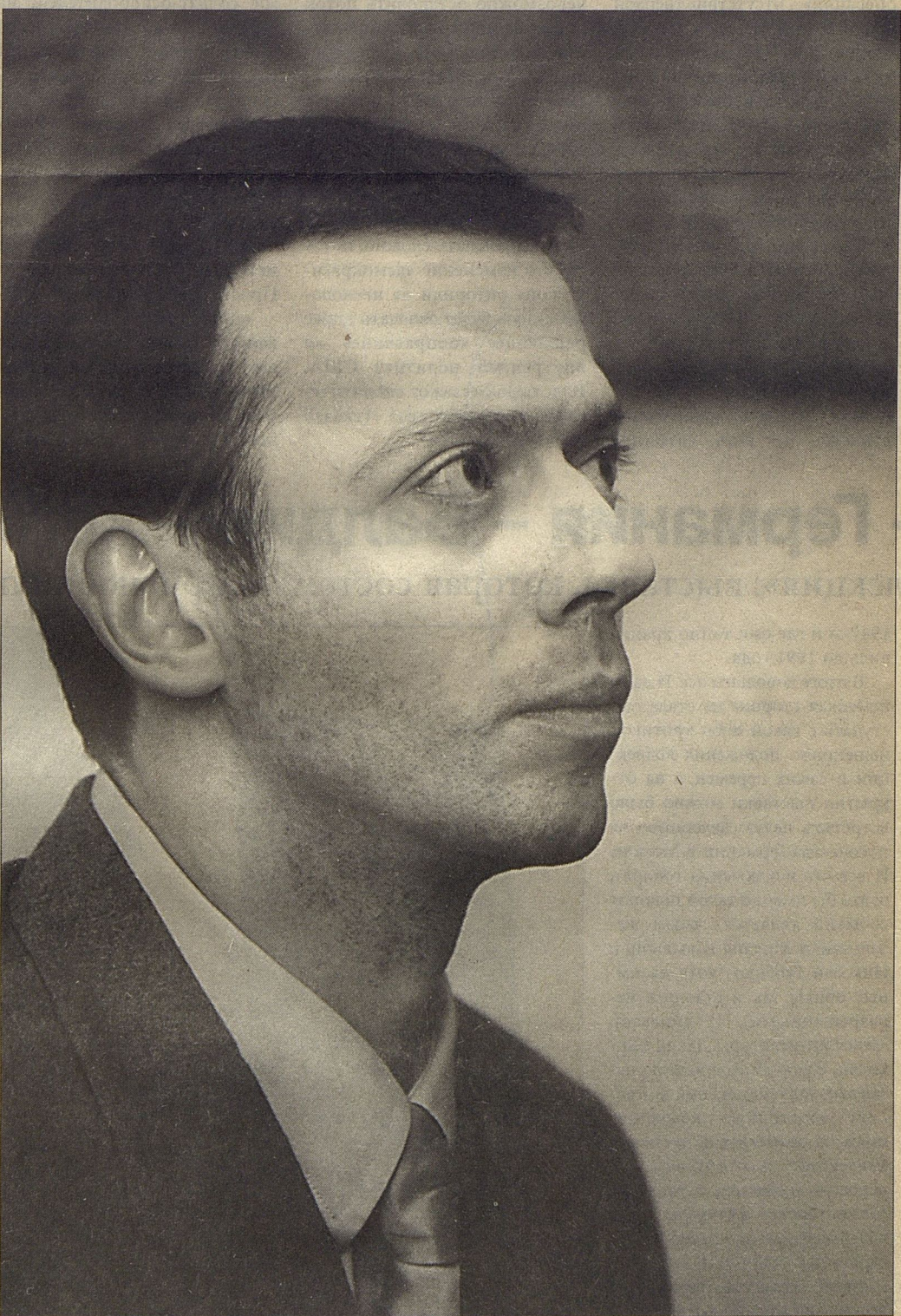
– Вы заявили, что ставите спектакль всерьез. Но, учитывая тематику балета, так мог бы сказать художник, живший в эпоху «отца народов» и от всей души разделяющий соответствующую эстетику. А сегодня даже упертый сталинист ничего не смо-

– Так вы хотите сделать стилизацию «сталинского ампира»?

– Честно говоря, мне трудно рассуждать о медведе, который не убит.

– Ладно, давайте вспомним, что говорили авторы первого «Светлого ручья»: они создавали «социально значимый балет», заодно высмеивая «искателей красивой жизни» и пережитки дореволюционного прошлого. Вот это у них и называлось – сделать всерьез.

– А я думаю, что для Лопухова главное было совсем не это, а развертывание хореографических форм. И Шостакович был

Алексей Ратманский нацелен на очень культурный стеб.

Фото Дмитрия Куликова